В.С. Карпичев

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ КОНСТРУКТИВНОЙ И НЕКОНСТРУКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ*

КАРПИЧЕВ Виктор Сергеевич − доктор философских наук, профессор кафедры управления социальными и экологическими системами РАГС (e-mail: karpichevvs@bk.ru)

Аннотация. *Анализируются синергия взаимодействия управления и социальной самоорганизации, методологические проблемы исследования конструктивной и неконструктивной самоорганизации, тенденции и «матрицы» асоциального развития.*

Ключевые слова: *управление, социальная самоорганизация, социологическая матрица, социокультурная матрица, государственная идеология, социальная напряженность.*

Социологическое обеспечение процессов упрочения и развития социального потенциала модернизации России как определяющего вектора социологии управления напрямую связано с пониманием «социального», прежде всего, как взаимодействия между людьми (Я и ТЫ, МЫ и ВЫ, МЫ и ОНИ), их образованиями (народ, граждане, население, этнос, класс, социальная группа) и институтами, а также осознанием этих взаимодействий (социальное знание). В этих взаимодействиях, отношениях, социальном сознании закладывается социальный потенциал государственных и общественных проектов, управленческих модернизаций, самоорганизации. Именно в данном контексте приобретают инновационный смысл традиционные проблемы социальной активности, конструктивной самоорганизации, закладываются новые подходы исследования самоорганизации *асоциальной*, *неконструктивной*.

При всей смысловой неопределенности «неконструктивности» самодеятельности следует обозначить ее связь с реализацией тех или иных потребностей и интересов, вступающих в противоречие с коренными потребностями граждан, необоснованными антиобщественными действиями, нарушающими законы Российской Федерации, отступлением от норм, правил, традиций, признаваемых народом в качестве социальных ценностей, с прямым или косвенным манипулированием общественным со-

* Статья относится к исследованию «Общественно-негативное развитие социальной самоорганизации: генезис и преодоление», выполняемому при финансовой поддержке РФФИ (проект №10-06-00171-а).

знанием, неприятием новых темпоритмов жизни в социальном времени/пространстве.

Предпринимались неоднократные попытки, в том числе и автором, обосновать тезис о синергии управления и социальной самоорганизации как ключевой проблеме российской действительности, без решения которой трудно оценивать результативность государственного, муниципального и бизнес-управления, а возможно и управления конфессионального[1]. Самоорганизация в управлении может выступать как способность социальной системы поддерживать уровень свей организации при резкой смене внутренних или внешних условий, но прежде всего она проявляется как спонтанное социальное движение, инициатива, конструктивная и неконструктивная самодеятельность, т. е. в качестве самоорганизующихся, слабоуправляемых, слабоструктурированных процессов. В этом случае мы встречаемся с диссипативными, когерентными (согласованными), неравновесными, вероятностными, формирующими, «размывающими», кризисными и иными подобными процессами и явлениями.

Таким образом, развитие социального потенциала в модернизационном аспекте может быть осмыслено как управление, соуправление, социально-управленческое партнерство, социальная самоорганизация и инициатива. Автор исходит из того, что народ, граждане − вполне вменяемы, сохраняя непредсказуемость, остаются главными субъектами управления и самоорганизации в российском социуме и, следовательно, ответственности.

Однако ставшие социальным фактом разобщенность людей, растущая полярность их интересов, безответственное (добавлю – и непрофессиональное) отношение к государственной идеологии как выражению коренных интересов народа, обнищание масс и отчуждение от власти, утеря значительной частью населения социальной перспективы, нецивилизованная активность бизнеса, рост криминала, породившего небывалую коррумпированность многих властных структур, неадекватное внешнее воздействие, глобализация и унификация жизни, трагический распад Союза – все это и многое другое сказалось на становлении широкого спектра возможностей для протестных движений и инициатив, выражающих интересы граждан в гражданском обществе и социальном государстве, приводит к «дикому», монополизируемому и беспощадному рынку как наиболее распространенному типу социальной самоорганизации, «эманации» (Гегель), т. е. обратному социальному развитию и развитию с неопределенными векторами. Впрочем, уточним: здесь работает принцип «кольцевой причинности», где причины и следствия постоянно меняются местами. Кроме

[1] См.: Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Материалы Первой международной научно-практической конференции. − М., 2004; *Карпичев, В.С.* Основания инновационного прорыва в государственном управлении. − М., 2008.

того, и дезорганизация приводит не только к застою, хаосу, кризису, катастрофе; при определенных условиях она может стать источником нового, возможно, более высокого уровня организации.

Существенное значение для методологии исследования и преодоления общественно-негативного развития процессов социальной самоорганизации, формирования способов эффективного противодействия «саморазрушающим» процессам приобретает идея «институциональных матриц» как «устойчивых форм связи институтов»[1].

Речь в данном дискурсе идет о выявлении исходных «матричных» структур социума, общества, сообщества, «латентно определяющих многообразие и направленность процессов» социальной жизни во всех ее проявлениях. И хотя исследуются такие типы «институциональных» матриц, как западная и восточная, т. е. выдвигается и обосновывается макросоциологическая гипотеза, следует обратить внимание на то, что «если …социум пытается организовать свою общественную жизнь, не соразмеряясь с природой присущей обществу институциональной матрицы – неизбежны социальные потрясения, нестабильность, отставание…»[2]. Реализуется ли идеологема единства (единения) людей Евгения Леонова «жить в мире и согласии»?

Пока же многие люди оказываются в самодеятельных и высокоорганизованных сетях (матрицах) новых и новых «пирамид», сетевых и многоходовых операциях олигархов, банкиров, хакеров и других внуков незабвенного Остапа Бендера. Тенденция гуманизации отношений сопровождается массовой агрессивностью, социофобией, современным эгоизмом. Идея «матрицы» присутствует в управленческих «стратагемах» (системе стратегических установок); некоторые эксперты не без оснований полагают, что существует реакция граждан на негативные (манипулятивные) информационные матрицы СМИ. И сеть Интернет благодаря виртуальной реальности может стать «квазиструктурой», приводящей к «отмиранию» реального общения. Своеобразной матрицей выступают государственная идеология, идеология организации. В современной литературе появилась идея о «структурной адаптации» в экономике. На Международной научно-практической конференции по инноватике государственного управления (2006 г.) автор статьи представил «Матрицу» разработки и реализации инновационной технологии государственного управления.

В данной работе не дается определение феномена «матрица», но предпринимаются попытки выявить некоторые ее (матрицы) ключевые смыслы (парадигма как модель понимания, социокультурная традиция, воспроиз-

---

[1] См.: *Кирдина, С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. − М., 2000.

[2] Там же. − С. 4.

водство социального образца, сетевая структура, алгоритм, способ действия и воздействия, социальный архетип, путь следования к аттрактору как области притяжения).

Одновременно высвечивается проблема: не сопровождается ли естественный институциальный отбор как «сенс» эволюции (Тейяр де Шарден), как организация, естественная целесообразность (А.А. Богданов), как синергия стратегии природы и стратегии человечества (Н.Н. Моисеев) не менее естественными социальными процессами, имеющими *неопределенный* вектор развития, включая тенденции нарастания асоциальности. Тогда и возникают негативные матрицы так называемого неправильного развития. И встает новая проблема: как обеспечить «сбой» асоциальных матриц и поддержать позитивные матричные структуры?

Если такой способ оценки для российской «аситуации» правомерен, тогда можно объяснить и странный социальный факт («странный аттрактор»): почему «новые» многоуровневые российские мошенники зачастую выглядят страстными, умными и талантливыми людьми, актерами и профессионалами своего дела, показывающими психологические способности манипулирования массовым сознанием, людьми организованными, инновационно-прагматичными, ориентированными на «реализм без берегов», успех любой ценой, на деньги как главную ценность и, следовательно, лишенными совести, духовности, патриотизма («устаревших ценностей») и мудрости, поскольку становятся участниками социального зла.

И еще один аспект проблемы. Не подминает ли капитал под себя многие области свободы и демократии? И не может ли объединиться по разным основаниям капитал всех стран? В мире, где «все связано со всем», общая ситуация весьма неблагоприятна. Можно ли что-то изменить? С одной стороны, как например, сохранить «живую память», которая интенсивно разрушается, стирается, о чем писал Э.Тоффлер в «Шоке будущего» («разрыв с прошлым», «прошлое возвращается к нам с новой силой»). С другой стороны, как объяснить терпимость общества, например, к взяткам как к неизбежности, начинающейся с детского сада, школы, вуза, военкомата, медицинских учреждений, структур управления и бизнеса. А может, дело в устаревшей парадигме управления, порождающей подобные отношения? И минимальная *управленческая* матрица как ответ на вызовы и угрозы XXI в. и требования граждан России может выглядеть следующим образом: «образование» − «культура» − «профессионализм» − «служение народу» − «социальная справедливость» − «контроль» − «ответственность». Движущая пружина этой матрицы для государственной гражданской службы: социальные потребности – национальные социальные стандарты – государственные социальные услуги.

Таким образом, своеобразным контуром матрицы *исследования* социально негативных процессов и перевода их в конструктивно-управляе-

мое («направляемое» − Н.Н. Моисеев) состояние выступают прежде всего: 1) опора на междисциплинарный подход, анализ естественных социальных процессов, генезиса асоциальности; 2) исследование возможностей социологического вектора стабилизации, упорядочения, интеграции; 3) исследование социологического вектора развития, инновации, «опережающего отражения действительности» (П.К. Анохин); 4) акцент на деятельность реальных социальных субъектов, лидеров самоорганизации, формирование неблагоприятной для асоциального развития среды; 5) анализ технологий социологической поддержки управляющих воздействий (социология управления).

Добавим, что истоки подобных представлений лежат в русле институциализма, естественного социального отбора Т. Веблена, Н.Н. Моисеева, теории социальных фактов Э. Дюркгейма, нормативизированных социальных ожиданий Т. Парсонса, социологии изменений П. Штомпки, «структурации» как структурного процесса Э. Гидденса. Между прочим, по Р. Мертону, социальная структура – сеть норм и ценностей. Обратим внимание: явно просматривается матричный аспект.

Е.Н. Князева в духе конструктивистской социологии, включающей возможное исследование будущего, обосновала подход качественного определения «возможных структур аттрактора», «резонансного возбуждения желаемых сложных структур», посредством топологически правильно организованных − резонансных − воздействий «выводить процесс развития на желаемые структуры»[1]. А социолог Эдгар Морен, подчеркивает Е.Н. Князева, выдвинувший идею *homo sapiens/demens* − человека разумного/безумного, стал и инициатором реформы самих принципов нашего познания сложности, выдвинув ее фундаментальные аспекты (соединение частей или элементов с образованием единого целого, обретающего новые свойства; всякое сложное познание раздираемо глубокими, нередуцируемыми противоречиями, которые не столько разрушают сложное, сколько, как это ни парадоксально, строят его) и принципы сложного мышления[2].

В контексте размышлений и сомнений Э. Морена следует вспомнить многие положения К.Г. Юнга об «архетипах бессознательного», т. е. о предпосылках того, что сегодня вкладывается в смыслы феномена социальных (социокультурных) матриц. В этом ряду – суждения В.Г. Буданова о ритмокаскадной природе социально-исторических архетипов.

---

[1] См.: *Князева, Е.Н.* Конструктивистские установки в инновационном государственном управлении // Инноватика государственного управления: прорыв в будущее. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва. − М., 2006. − С. 90.

[2] См.: *Князева, Е.Н.* Эдгар Морен в поисках познания сложного // Э. Морен. Метод. Природа Природы. − М., 2005. − С. 10, 14, 16−18.

Подобные подходы заставляют иначе смотреть на многие аспекты самоорганизующихся социальных образований, интегративных и дезинтегративных процессов, сомнительных инноваций, логики протестных движений, социальной поддержки и неприятия, причин социальной напряженности, непредсказуемого поведения, социальной патологии. Это относится и к спонтанным межэтническим процессам, проблемам и столкновениям, переходящим в вооруженные конфликты на постсоветском пространстве, и к миграционным процессам, не поддающимся управлению, но допускающим определенное регулирующее воздействие, и к широкому распространению среди всех слоев населения идеи поиска собственного, особого пути развития России (73,9% опрошенного населения и 78,9% экспертов)[1]. Подобные процессы еще раз свидетельствуют о необходимости обеспечения эффективного взаимодействия управления и самоорганизации, развития способов поддержки позитивных и конструктивных тенденций в асоциальных движениях и структурах, даже самых, казалось бы, одиозных и иррациональных.

При социологическом осмыслении реальных жизненных коллизий возникла идея «структурного мониторинга» как мониторинга социальной системы (или ее подсистемы), основанного на системе индикаторов, опережающего мониторинга «неудовлетворенных потребностей» (Д.А. Халтурина); реформа может быть представлена и реализована как «реструктуризация», преобразование способа связи (организационной структуры) (В.Н. Меркулов); основной механизм модернизации, по П. Штомпке, − «дифференциация структуры функций при одновременном обеспечении интеграции»[2]. Социолог говорит о значении *структурной детерминации,* структурных ограничений, определяющих поле действий и взаимодействий.

Рассуждая о структурах и матрицах, «структурных предсказаниях» (Ф. Хайек), нельзя забывать о необходимости воссоздания единства научного знания (Н.Н. Моисеев, Э. Морен, И. Пригожин), в том числе применительно к исследованию «сложной причинности», реорганизации, реструктуризации, имитации, дезорганизации, манипулирования сознанием, «блокирования сознания» аппарата, беспорядка и социального хаоса.

Определенные шаги в этом направлении, значимые в дискурсе «социальность/асоциальность», сделали Е.А. Литвинцева, рассматривая институциальную структуру государственной гражданской службы, опираясь на матричный подход; С.С. Фролов, в контексте институциализма решая про-

---

[1] См.: Социально-политические ценности в массовом сознании российского общества. Основные результаты социологического исследования. 2009. − М., 2009. − С. 88.

[2] См.: *Штомпка, П.* Социология. Анализ современного общества. − М., 2008. − С. 527.

блемы проектирования организационных структур; Н.И. Миронова, анализируя социальную динамику эволюции неоднородных неравновесных социальных систем; О.Н. Астафьева, инициируя осмысление социокультурных процессов и постнеклассических практик; В.Г. Буданов, обращаясь к структурам, подсистемам, моделям и математическим матрицам в образовании[1].

Особо следует сказать, что выдвижение в теории социальной самоорганизации идей «социальных аттракторов» как областей притяжения, «параметров порядка» (доминирование одних неопределенностей над другими неопределенностями) может оказаться событием интеллектуального прорыва социальной науки применительно к областям жизнедеятельности, которые в силу многих обстоятельств оказались заповедником стереотипов и безнадежных решений. Я имею в виду и раковую опухоль коррупции и непрофессионализма в управлении, и сверхжадность бизнеса, и «спонтанную» самоорганизацию, организуемую и используемую в определенных политических, а также иных целях, и утрату ценностных ориентиров, следовательно, фрустрацию, неопределенность многих жизненных отношений. Все это, говоря социологическим языком, − индикаторы «системного сбоя» и социальной неравновесности в условиях новых вызовов и угроз. Хотя вспомним при этом слова Питирима Сорокина, что все великие нравственные системы возникли и укрепились в катастрофические для какого-либо общества эпохи.

По сути, идет переосмысление принципов нашего познания сложных и непредсказуемых социальных явлений и процессов, накопление «критической массы» инновационного материала, поиск новых размерностей стабилизации и социальных изменений. Возможно, сверхсложные проблемы и процессы асоциальной самоорганизации, неконструктивной дезорганизации, девиантного поведения могут быть поняты и на языке их фрактальной структуры, подобно тому, как во времена Гиппократа, так и для современной медицины, ключевым вопросом является этика взаимоотношений врача и пациента.

Логика наших рассуждений об исследовании социальных матриц, институциальных структур, социальных практик (практик *сознания*, основанных на *ценностях*) приводит к вполне постнеклассическим выводам:

---

[1] См.: *Астафьева, О.Н.* Постнеклассические практики: переход на новый уровень осмысления // Постнеклассические практики и социокультурные трансформации. Материалы VI Международного междисциплинарного семинара. − М., 2009; *Буданов, В.Г.* Управление образовательным процессом в современных условиях: инновации и проблемы моделирования // Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. − Изд. 2-е. − М., 2008; *Литвинцева, Е.А.* Институциональная структура государственной службы. − М., 2009; *Миронова, Н.И.* Социальная динамика: метаморфозы самоорганизации и управления. − Челябинск, 2005; *Фролов, С.С.* Социальные институты // Общая социология. − М., 2010.

1. Наука и сама жизнь показывают неизбежность встречи исследователя с неожиданно сложными эмерджентными проблемами. Мы привыкаем не думать о рисках, пренебрегая уроками. Это предполагает в первую очередь наличие превентивных мер, научение пониманию законов развития сложных эволюционирующих быстро меняющихся систем. В этом векторе: а) объективно-функционирующие (естественный социальный процесс) социальные матрицы, б) специально созданные и реализуемые социальные матрицы, в) комбинации различных социальных матриц, «матричная синергия» взаимоСОдействия, взаимоНЕсодействия, взаимоПРОТИВОдействия.

2. Становится необходимостью разработка социологической матрицы исследования актуальных форм общественно-негативных самоорганизующихся образований, их распространенности и степени опасности.

Поиску и обоснованию данного подхода и была посвящена предлагаемая статья. В свою очередь, это – путь к освоению инновационных способов преодоления неконструктивной социальной самоорганизации.

3. Возможно, через познание структур-процессов, сложных циклов, эволюции пространственно-временных структур (событий), институциальных взаимодействий, социальных «сборок», социальных механизмов иррациональных действий и состояний появится управление социальными алгоритмами как критерий новой управленческой парадигмы − управления как конструирования желаемой социальной реальности. Следовательно, и управление будущим, социальным временем и пространством также становится реальной практической проблемой современной России.

Список литературы

Карпичев, В.С. Основания инновационного прорыва в государственном управлении. − М., 2008.

Кирдина, С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. − М., 2000.

Князева, Е.Н. Конструктивистские установки в инновационном государственном управлении // Инноватика государственного управления: прорыв в будущее. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва. − М., 2006.

Социально-политические ценности в массовом сознании российского общества. Основные результаты социологического исследования. 2009. − М., 2009.

© Карпичев В.С., 2010